

СПРАШИВАЕМ — ОТВЕЧАЮТ...

ЗА ПЛЕЧАМИ Кирилла Лаврова четверть века творческой жизни. На сцене успех и известность пришли к нему раньше, чем в кино. Лавров был уже ведущим актером Ленинградского академического Большого драматического театра имени А. М. Горького, когда сыграл в фильмах «Живые и мертвые» и «Верьте мне, люди!» две диаметрально противоположные по своему характеру роли — военного журналиста Синцова и бывшего вора-уголовника Лапина. И тогда, в середине шестидесятых годов, кинокритики писали о появлении нового киноактера, хотя до этого Кирилл Лавров снялся в десятке картин. Это случилось, видимо, потому, что именно тогда в артисте явилась предельная скупость средств выражения при активной внутренней жизни персонажей — черты, отличающие с той поры его работу на экране да и на сцене, где Лавров заново «открыли» тогда же.

Прозрачные ленинградские сумерки. Сворачиваю на набережную Фонтанки. В это время здесьлюдно. И за много кварталов от театра — нескончаемый поток вопросов: «Нет ли лишнего?..». А

тщательностью, как в устройство сложных моторов.

— Театр люблю прежде всего за то, что в нем есть возможность играть самые различные роли, встречаться с героями самых непохожих характеров и судеб, — говорит Лавров. — Для актера это просто необходимо, что отлично понимает Георгий Александрович Товстоногов, который всеми средствами способствует тому, чтобы актеры не замыкались в рамках своего амплуа. Мне лично каждый мой герой дорог и интересен — будь то Молчалин из «Горя от ума» или Соленый из «Трех сестер», Платонов из «Океана» или Нил из «Мещан». Для меня очень важно понять, как мой герой смотрит на жизнь, понять его мировоззрение. Это главное при создании образа. Стремись почти и дух времени, которым рожден твой персонаж.

— Каким вам представляется современный актерский стиль?

— Подчас можно услышать, что, мол, современный стиль — это обязательно приглушенная интонация, почти шепоток «под правдочку», предельная сдержанность жеста. Действительно, наиг-

— В мою жизнь кинематограф вошел давно и органично. Хотя «моих» картин не так уж много. Но дело, конечно, не в количестве. Не могу не заметить, что кино для меня, хотя я его очень люблю, все-таки вторично. Ему я во многом отдаю то, что удалось накопить в театре. Кинематограф в свою очередь обогащает масштабностью охвата жизни, встречей с крупными характерами и событиями. Мне очень дорог, например, в картине «Живые и мертвые» Синцов. Он подкупает меня своим гражданским мужеством и кристальной честностью. В сложнейших жизненных обстоятельствах Синцов утверждает нравственные ценности человека. Он один из тех, кто в невероятно трудных обстоятельствах первых месяцев войны закладывал фундамент грядущей победы.

Работая над образом конструктора-ракетостроителя Башкирцева из фильма «Укрощение огня», я близко прикоснулся к жизни выдающегося ученого и замечательного человека — академика Королева. В своем герое я прежде всего стремился раскрыть не только прекрасные качества талантливейшего инженера и организатора, но его личное обаяние, беззаветную верность дружбе, любви, его богатый духовный мир.

Образ Владимира Ильича Ленина в фильме «Доверие», думается, — еще одна удача актера. С вождем революции мы встречаемся, если можно так сказать, в будничной обстановке совнаркомовского кабинета в первые послеоктябрьские месяцы. Требуется множество неотложных дел. И в том числе — признание независимости Финляндии.

— Лет пятнадцать назад, — рассказывает Кирилл Лавров, — один московский кинорежиссер решил меня познакомиться на роль В. И. Ленина. Внешняя похожесть тут, конечно, весьма важна. Очень долго тогда гримировали. В итоге лицо оказалось скзанным, да и сам грим — неудачным. Это было очевидно. Позже я выступил в пьесе «Защитник Ульянов», где удалось добиться сходства не только внешнего. Прошло время. И вот режиссер Виктор Трегубович как-то предложил мне: «Давай попробуем!» Уговорил. В театр приехал молодой гример. Мы поняли друг друга. Он быстро наложил совсем не сложный грим. А фотограф несколько раз щелкнул затвором. Кинопробы утвердили. Но тут началось самое трудное. Пришлось преодолеть свою собственную робость перед громадой образа, личности. Внимательно изучал ленинские материалы, фотографии. Было ему в то время не так уж много лет. И можно видеть, как Ильич за короткий срок устал, постарел. Фильм лишен эффектных событий, сцен. Образ Ленина должен раскрываться в напряженной работе его мысли, в принятии важных для судеб страны решений.

Народный артист СССР Кирилл Лавров в полном смысле этого слова художник-гражданин, убежденный в том, что своим искусством он служит народу, Отечеству. Он с энтузиазмом рассказывает и о том, что Большой драматический театр ставит драматическую эпопею «Тихий Дон», которую посвящает 60-летию Великого Октября; и о своей новой работе с Виктором Трегубовичем — фильме «Обратная связь», где он создает образ крупного партийного работника; и о том, что по сценарию Евгения Габриловича на «Ленфильме» будет поставлена картина, посвященная нашей интеллигенции, в которой ему предназначена интересная роль.

Актер любит долгие прогулки по улицам и набережным Ленинграда.

— В это время хорошо думается, легко дышится. Когда снимался в фильме «Доверие», часто приходил к Смольному. Буквально каждый уголок города на Неве напоминает о тех или иных событиях, то ушедших в глубь истории, то недавних...

Мы идем по набережной Фонтанки. Прощаемся. Мой собеседник спешит домой. Надо поработать и за письменным столом. Но прежде всего, конечно, повидать детей. Сын Сергей не так давно вернулся из армии. Учится в университете. Хочет быть историком. Одинадцатилетняя Маша уже мечтает о театре. Не ей ли суждено продолжить актерскую династию? Будет видно... А я в своей памяти уношу слова, сказанные Лавровым:

— В нашем актерском деле нельзя жить вчерашним успехом. Поэтому я и мои товарищи ищем, пробуем, находим и отбрасываем. Актерское искусство не имеет прошедшего времени. Оно — самое сегодняшнее из искусств...

Беседу вел Марк ТАТАРИНОВ

ЛЕНИНГРАД

Кирилл ЛАВРОВ

НЕЛЬЗЯ

ЖИТЬ

ВЧЕРАШНИМ

УСПЕХОМ

у меня — два вечера, два спектакля, поставленных народным артистом СССР Георгием Товстоноговым, — «Прошлым летом в Чулимске», драма Александра Вампилова, и «Ревизор», комедия Н. В. Гоголя. Наши дни и далекое прошлое. Две встречи с искусством Лаврова.

Две полярно противоположные роли, между которыми колоссальная временная дистанция. И обе великолепно сыграны большим мастером сцены.

...Итак, встреча. В театре. Появляется Кирилл Юрьевич, легкий на ходу, подтянутый. В кожаной куртке, с распахнутым воротом. Удивительно молодой.

Известно стремление актера Лаврова проникать к истокам характера своего героя. А если обратиться к его собственным истокам? Где и когда Кирилл Лавров обрел самого себя, свой характер гражданина, художника? Как же все это произошло?

— В своей ленинградской юности, — рассказывает Кирилл Лавров, — я увлекался многим. Неплохо рисовал и, как говорится, подавал надежды. Но главной моей любовью были море, корабли. Зачитывался географическими исследованиями (и сейчас неравнодушен к такой литературе!). Стрельба в пушечный привела в морской кружок Дома пионеров, а потом в мореходное училище. Но шел сорок первый год. Война. Мореходку эвакуировали в одну сторону. Нашу семью — в другую. В 1943 году попал в авиационно-техническое училище. Потом — на Курилы. Долгие зимние вечера привели к художественной самодеятельности. Тут пригодились мои воспоминания о том, как репетировали родители-артисты. Так навсегда «заболел» театром. Демобилизовался. В театральный институт не попал. Тогда пошел к директору гастролировавшего в Ленинграде Киевского театра имени Леси Украинки. Сказал: «Хочу быть актером». Испытание выдержал. Взяли. В первые годы познал радость успехов и горечь неудач. Но веры не терял.

За восемь армейских лет он привык к суровой дисциплине, самодисциплине. Его решение уйти в театр и остаться на сцене не было продиктовано ни полемическим задором, ни следованием традиции, частой в актерских семьях. Он выбрал нелегкий путь. И, говорят, в театральном процессе вникал с такой же

ранная, искусственная картинность поз давно ушла со сцены. Но это не значит, что на смену ей должна прийти будничность, унылая однотонность. Думаю, нет никакого набора выразительных средств, который можно было бы предложить в качестве истинно современной манеры актерской игры. Современны и патетика, и широкий жест, если они подсказаны содержанием образа, смыслом происходящего. Игра актера — не фотографирование жизни. Мы не можем и не должны играть правдоподобие. Актер должен нести зрительному залу глубинную правду жизни средствами своего искусства.

— Продолжаете ли вы работу над сценическим образом после того, как спектакль стал достоянием зрителей, принят ими?

— Искусство актера и состоит в том, что он должен каждодневно искать неповторимые черты образа, которые определяют характер того или иного человека. Для меня каждый выход на сцену — новое открытие моего героя, его судьбы, времени. Порою только на восьмом—десятом по счету спектакле ощущаешь, что найдены единственно необходимые штрихи роли. Поэтому я своих друзей приглашаю не на премьеру. Да, театр выгодно отличается от кинематографа тем, что дает возможность неограниченного художнического поиска, совершенствования одной роли...

И все-таки при всей приверженности актера театру его творческая судьба была бы, наверное, неполной без работ в таких фильмах, как «Живые и мертвые», «Братья Карамазовы», «Укрощение огня». Скоро на экраны выходит новая картина — «Доверие», где Лавров снялся в роли Владимира Ильича Ленина.

